

Перебои в смерти

Автор:

Жозе Сарамаго

Перебои в смерти

Жозе Сарамаго

Азбука Premium

Жозе Сарамаго – один из крупнейших писателей современной Португалии, лауреат Нобелевской премии по литературе 1998 года, автор скандально знаменитого «Евангелия от Иисуса».

В стране, оставшейся неназванной, происходит нечто невиданное с начала времен. Смерть решает прервать свои неустанные труды – и люди просто перестают умирать. Отныне их судьба – жить вечно. Эйфория населения сменяется отчаянием, все принимаются изыскивать способы покончить с таким невыносимым положением. И вот, когда страна оказывается на пороге войны и хаоса, в игру вступает сама смерть – и меняет правила. Но есть один человек, который отказывается им подчиниться...

Жозе Сарамаго

Перебои в смерти

© А. Богдановский, перевод, 2006

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

От переводчика

За Жозе Сарамаго такое водится – и уже довольно давно: принять в качестве первоначального импульса совершенно невероятное допущение – и посмотреть, что из этого выйдет. С упорством, не достойным лучшего применения, лауреат Нобелевской премии 1998 года Жозе Сарамаго, давно разменявший девятый десяток, занимается одним, в сущности, делом – он, будто следуя призыву Александра Блока, стирает «случайные черты», только мир от этого становится не прекрасен, а, пожалуй, еще гаже и ужасней, чем в действительности.

Началось это лет двадцать назад, с легкой руки великого португальского поэта Фернандо Пессоа (1888–1935), который придумал целую систему (а система есть комплекс взаимовлияющих элементов) своих литературных двойников-гетеронимов, вдохнул в них жизнь, снабдил их внешностью, привычками, биографией, одарил талантом. Вот одного из этих фантомов – доктора Рикардо Рейса, поэта-неоязычника, последователя Горация – Сарамаго и отправляет в Лиссабон, где только что скончался сам Пессоа. (Нечто подобное произошло бы, если бы Иван Петрович Белкин, автор «Метели» и «Гробовщика», появился в Петербурге примерно через месяц после известных событий на Черной речке.) Пусть этот призрак, ставший человеком, обретет плоть и походит по улицам, поживет в отеле, куда вскоре придет навестить плод своего воображения его создатель – тот, кто был человеком, а ныне стал бесплотным призраком, существующим лишь в словах.

О словах – разговор особый. Ни одного из них Сарамаго «в простоте не скажет», ибо для него слова не столько строительный материал для создания образов, для выражения идей, сколько особый, независимый и отчасти даже враждебный мир, живущий по собственным законам, движимый по нарезанным бог знает когда – и, главное, кем – колеям могучей силой инерции. С нею Сарамаго ведет постоянную борьбу, а вернее – тотальную войну, корежа, расплющивая, взламывая то, что принято называть «устойчивыми словосочетаниями» – нет в этом мире ничего устойчивого. Оттого и пестрят страницы его книг, написанных за последние двадцать лет, такими – иначе не скажешь – пассажами: «Он не то что был задет за живое – он был в это живое тяжко ранен...», «Как отпустить мальчика одного на ночь глядя, а поглядеть есть на что – кругом война да резня...», «...да не она испытывала страдания их, а они ее испытывали...», «...как

это – несолоно хлебавши? – вдосталь и досыта нахлебались они горько-соленого, как океанская вода, разочарования».

И в этой океанской воде Иберийский полуостров, по неведомой причине отколовшийся от Европейского континента и превратившийся в «Каменный плот», поплывет... Куда? Зачем? А вот мы и узнаем. Что случится, если тихий издательский корректор, готовя к печати «Историю осады Лиссабона», вставит в одном месте отрицательную частицу? Как там дальше будут развиваться события португальской истории? Узнаете, если сумеете погрузиться в бесконечные, лишённые членения на абзацы периоды этой прозы, где реплики героев перебиваются – или подхватываются – голосом автора, где диалоги «утоплены» в повествовании «вьющемся и ветвящемся», со своим особым синтаксисом и пунктуацией.

А о том, что происходит в его новом, самом последнем романе, вышедшем в свет поздней осенью прошлого года, можно судить уже по первой фразе. Но – не судите, да не судимы будете. Лучше прочтите.

Александр Богдановский

2006

Пилар – моему дому

Мы все меньше знаем о том, что такое человек.

«Книга Предупреждений»

Подумай, например, еще раз о смерти – и ты в самом деле удивишься, что не познал благодаря этому явлению новые понятия, новое поле действия языка.

Витгенштейн[1 - Людвиг Йозеф Иоганн Витгенштейн (1889–1951) – австрийский философ. (Здесь и далее примечания переводчика.)]

На следующий день никто не умер. И это обстоятельство, вопиющим образом противоречившее законам бытия, породило в умах жесточайшее смятение, с любой точки зрения более чем оправданное, ибо достаточно будет вспомнить, что, перелопатив или, если угодно, прошерстив сорок томов всемирной истории, не найдешь ни единого упоминания о таком поистине феноменальном случае, не нароешь никаких сведений о том, чтобы за целые сутки со всем их двадцатичетырехчасовым избытком, расчлененным на утренние, дневные, вечерние и ночные куски, никто не скончался от болезни, не погиб в результате несчастного случая, не свел счеты с жизнью. Не было даже столь частых в праздничные дни аварий со смертельным исходом, иначе именуемых автокатастрофами, когда ликующая бесшабашность и избыток алкоголя бросают друг другу вызов на дорогах, стремясь – вот уж подлинно – определить, чья машина сумеет доставить их к гибели первой. Канун нового года не принес обычного и бурного потока смертей, и казалось, что ощеренная старуха атропос[2 - Имя одной из трех сестер-парок, которая, согласно мифу, перерезает нить человеческой жизни.] решила на денек отложить свои ножницы. Кровь, впрочем, лилась, и в немалом количестве. Пожарные, растерянные и оторопелые, извлекали из-под руин искалеченных людей: по всей математически выверенной логике катастроф им полагалось находиться в состоянии, определяемом формулой «мертвей не бывает», а они, однако же, несмотря на тяжелейшие ранения и несовместимые с жизнью травмы, оставались живы и живыми доставлялись под душераздирающий вой сирен в больницы. Никто не умер по дороге, зато все как один в ближайшее время опровергли неутешительные прогнозы врачей. Бедняга безнадежен, нам тут делать нечего, не стоит даже и начинать, тут медицина бессильна, говорил хирург операционной сестре, помогавшей ему натянуть маску. Тем не менее несчастный, который еще вчера был обречен, сегодня умирать отказывался. И такое творилось по всей стране. До самой полуночи последнего в году дня еще находились люди, намеренные принять смерть с неукоснительным соблюдением правил: и те, кто обращался к голы, так сказать, сути дела – а суть в том, что кончилась жизнь, – и те, кто тешился многочисленными ее свойствами и качествами, в которые она, эта самая пресловутая и вышепомянутая суть, с большей или меньшей шумихой и помпой склонна облекаться в смертный час. Самый примечательный случай – имея в виду персону, с которой он произошел, – относился к весьма и весьма престарелой, всеми глубоко почитаемой королеве-матери. В двадцать три часа пятьдесят девять минут тридцать первого декабря ни один проstack не дал бы за ее жизнь и горелой спички. Всякая надежда исчезла, врачи вынуждены были капитулировать перед лицом неумолимой очевидности, августейшая же семья, в строгом порядке престолонаследия окружив одр болезни, безропотно ожидала, когда глава рода испустит

последний вздох или коснеющим языком произнесет несколько прощальных слов, обращенных ли как моральное увещание-завещание к любимым внукам, в виде красиво округленной ли фразы призванных остаться в неблагодарно-дырявой памяти грядущих поколений верноподданных. Но ничего не произошло, а время будто замерло. Королеве-матери не становилось ни лучше, ни хуже, и иссохшее тело ее балансировало на грани бытия, ежесекундно грозя за эту грань соскользнуть, но еще вися на тонкой нити, которую по неведомой прихоти продолжала удерживать смерть – а то кто же. А мы тем временем переместились в следующий день, когда, как уже было сказано в самом начале нашего повествования, никто не умер.

И день этот уже сильно продвинулся за середину, когда разнесся и пошел гулять слух о том, что с наступлением нового года, а точнее говоря – с нуля часов первого января, никто во всей стране больше не умрет. Можно было бы предположить, что источником этого слуха послужило поразительное упорство, с коим королева-мать цеплялась за жалкие остатки своей жизни, тем более что ведь и медицинский бюллетень, распространенный пресс-службой двора через средства массовой информации, не только подтверждал, что в состоянии ее величества за ночь произошли заметные изменения к лучшему, но и указывал, осторожно выбирая слова, на значительную вероятность полного выздоровления. Слух, что вполне естественно, мог быть пущен и каким-нибудь похоронным агентством: Похоже, что в первый день нового года остались мы на бобах, – или больничным персоналом: Этот наш, из двадцать седьмой, ни мычит, как говорится, ни телится, – или дорожной полицией: Просто мистика какая-то, столько аварий на трассах, и ни одного убитого, чтобы задать остальным острастку. Итак, слух, источник которого установить удалось лишь впоследствии, и то лишь благодаря дальнейшему развитию событий, оказавшихся весьма и весьма значительными, очень скоро проник в газеты, на радио и телевидение, достигнув ушей директоров и главных редакторов – людей, не просто умеющих издали, верхним, так сказать, чутьем улавливать события мирового значения, но и натасканных в случае надобности значение это еще и раздувать. В считанные минуты оказались на улицах десятки репортеров, расспрашивающих всех встречных и поперечных, а во взбудораженных редакциях встрепенулись и ожили батареи телефонов и начались лихорадочные опросы. Последовал шквал звонков в больницы, в «красный крест», в морги, в похоронные конторы, в разнообразные полиции, за исключением, ясное дело, тайной, а ответы поступали на удивление однообразные и краткие: Смертей не зафиксировано. Больше повезло одной юной тележурналистке: прохожий, поглядывая то на нее, то в объектив камеры, поведал о случае, виденном собственными глазами и бывшем точной копией случая с королевой-матерью.

Незадолго до полуночи, рассказал он, как раз перед тем, как с колокольни донесся последний удар курантов, мой дед, находившийся при последнем издыхании, вдруг открыл глаза, как если бы раскаялся в своем намерении умирать – и не умер. Журналистка пришла от всего услышанного в такой раж, что, не внемля ни жалобам, ни пеням: Что вы делаете, я не могу, мне надо в аптеку, бабушка ждет лекарства, – втащила прохожего в редакционный фургончик, приговаривая: Давайте, давайте, никакого лекарства деду вашему уже не нужно, – и машина, рванув с места, понеслась в студию, где в этот самый миг завершались последние приготовления к дебатам между тремя специалистами по паранормальным явлениям, а точнее говоря, двумя заслуженными колдунами и одной знаменитой ясновидящей, срочно вытребованными на телевидение, дабы проанализировать и объяснить то, что иные острословы, для которых нет ничего святого, уже успели окрестить «недолетальным исходом». Помянутая нами репортерша совершила грубую ошибку, ибо истолковала слова своего источника так, будто старик, в буквальном смысле стоявший одной ногой в могиле, раскаялся в том шаге, который уже был готов совершить: то есть преставиться, загнуться, сыграть в ящик, – и решил отыграть назад. А между тем слова счастливого внука: Как если бы раскаялся, – сильно отличались от решительного: Раскаялся. Так что более тесное знакомство с тонкостями синтаксиса и особенностями глагольных форм в различных наклонениях помогло бы избежать недоразумения и последовавшей за ним выволочки, которую пунцовая от стыда и унижения журналистка огребла от своего непосредственного начальника. Впрочем, ни он, ни она не могли и представить себе, что прозвучавшие в прямом эфире, а в вечернем выпуске новостей повторенные в записи слова будут миллионами людей истолкованы в том же превратном смысле, который в самом ближайшем будущем возымеет столь обескураживающее последствие, как возникновение организации граждан, твердо уверенных, что простым напряжением воли можно победить смерть и что, значит, незаслуженное исчезновение такого количества людей с лица земли объяснялось лишь прискорбным слабоволием многих и многих предшествующих поколений. Тем, однако, дело не кончилось. Поскольку люди, не прилагая к этому ни малейших усилий, продолжали не умирать, возникло еще одно массовое движение, и уж оно-то, опьяненное радужнейшей из перспектив, громогласно объявило, что золотой сон человечества, томивший его от начала времен, – счастливое обладание вечной жизнью на этом свете – сбылся и сделался общим достоянием, вроде солнца, которое восходит ежедневно, или воздуха, которым дышат все. Хоть оба движения оспаривали, так сказать, симпатии одного и того же электората, они все же сумели прийти к согласию, заключить союз и выбрать своим почетным председателем человека, явившего дарования предтечи, – того самого отважного старикана, который в высший миг

сумел бросить вызов смерти и одолеть ее. По имеющимся у нас сведениям, ни малейшего значения не возымело то обстоятельство, что неугомонный дедок пребывал в глубокой коме и, по всем приметам, выходить из нее не собирался.

При том, что словосочетание «правительственный кризис» не вполне подходит для характеристики тех единственных в своем роде событий, о коих мы намерены рассказать, ибо истинной нелепостью, неуместной и попирающей законы обыденной логики, было бы именовать так экзистенциальную ситуацию, сложившуюся из-за отсутствия смерти, поясним все же, что сколько-то граждан, сильно озабоченных своим правом получать достоверную информацию, принялись спрашивать самих себя и друг друга, какого лешего власти не подают никаких признаков жизни. Впрочем, министр здравоохранения, отловленный по пути с одного совещания на другое, объяснил журналистам, что в связи с полным отсутствием рациональных объяснений любое заявление правительства будет выглядеть вопиюще преждевременным: Мы накапливаем, добавил он, информацию, стекающуюся к нам со всех концов страны, и, пусть до сих пор не поступило никаких сведений о хотя бы единичном случае смерти, нетрудно представить себе, что сотрудники вверенного мне ведомства, пребывая в столь же глубоком удивлении, сколь и весь народ, попросту еще не готовы высказать свои соображения о таком феномене, равно как и о его последствиях, будь то ближайшие или отдаленные. О, если бы министр тут и остановился, то с учетом необычности ситуации мог бы рассчитывать на признательность граждан, но неизбывное стремление по любому поводу призывать их к спокойствию, этот тропизм[3 - Тропизм – направленное ростовое движение или изгиб органов растений, вызванные односторонним действием некоторого раздражителя.], сделавшийся второй натурой политиков, тем паче – политиков у власти, эта машинальность, эта доведенная до автоматизма реакция завела его в опасные дебри, заставив добавить к сказанному еще и такие слова: Я, как должностное лицо, отвечающее за здоровье нации, даю честное слово всем, кто слышит меня, что для тревоги никаких оснований нет. Если я правильно понял, тотчас заметил какой-то журналист, стараясь, чтобы его тон не показался чересчур ироническим, по мнению господина министра, нас не должно тревожить то, что никто не умирает. Чистая правда, хоть и выражено другими словами. В таком случае, господин министр, позвольте мне напомнить, что еще вчера люди умирали, однако никому и в голову не приходило по этому поводу тревожиться. Ну разумеется, мы привыкли, что люди умирают, и начинаем тревожиться, лишь когда смертность чрезмерно возрастает, как случается во время войны или, скажем, эпидемии. То есть когда нарушается рутина. Можно и так сказать. Но теперь, когда никто больше не умирает, ваш призыв к спокойствию кажется мне по меньшей мере парадоксальным. Велика сила привычки, и, признаюсь, не

следовало в данном случае произносить слово «тревога». А какое же – следовало, я, господин министр, спрашиваю потому только, что, как журналист, сознающий обязательства, налагаемые на него профессиональным долгом, всегда стараюсь употреблять наиболее точные понятия. Министр, слегка раздосадованный такой настойчивостью, ответил сухо: А следовало бы произнести не одно слово, а пять. Какие же, господин министр. Не будем питать несбыточных надежд. Без сомнения, превосходный получился бы заголовок на первую полосу завтрашнего номера, однако редактор, посоветовавшись с главным редактором, счел безрассудным – и с точки зрения маркетинга тоже – глушить пламень народного ликования таким ушатом ледяной воды и распорядился поставить всегдашнее: Новый Год, Новая Жизнь.

В правительственном заявлении, распространенном уже глубокой ночью, премьер-министр, подтвердив, что по всей стране, начиная с Нового года, не отмечено ни единого случая смерти, призвал к взвешенным и ответственным оценкам и трактовкам происходящего, напомнил о возможности случайного совпадения, проистекающего от магнитных бурь или иных космических возмущений, о вероятном воздействии исключительного и крайне непродолжительного сочетания факторов, приведших к нарушению равновесия пространства и времени, и добавил, что в любом случае уже предприняты шаги по взаимодействию с компетентными международными организациями, каковые шаги имеют целью помощь правительству, деятельность которого будет тем эффективней, чем лучше будут скоординированы его усилия. Произнеся всю эту псевдонаучную белиберду, призванную опять же внести умиротворение в умы, воспаленные непостижимым, премьер заявил, что власти готовы к любым неожиданностям и при поддержке населения рассчитывают встретить во всеоружии весь тот комплекс социальных, политических, моральных и экономических проблем, который, вне всякого сомнения, будет вызван к жизни отмиранием смерти в том более чем вероятном случае, если это и вправду случится. Примем брошенный нам вызов бессмертия, воскликнул глава кабинета несколько экстатически, если такова воля господ, мы же не устанем возносить ему в наших молитвах благодарность за то, что именно наш славный народ избрал он своим орудием. Все это означает, прибавил он про себя, завершив чтение, что вляпались мы, кажется, весьма основательно. О, знал бы он, что «основательно» в данном случае означает – даже не по шейку, а выше головы. Еще полчаса минуло в зыбком спокойствии, а потом в лимузин, увозивший премьера домой, позвонил кардинал. Добрый вечер, господин премьер. Добрый вечер, ваше высокопреосвященство. Звоню сказать, что я в шоке. Да и я тоже, положение очень серьезно, ни с чем подобным наша страна за всю свою историю до сей поры не сталкивалась. Да не о том речь. А о чем же тогда. О том более

чем плачевном обстоятельстве, что вы, господин премьер-министр, зачитывая свое заявление, не сочли нужным вспомнить о краеугольном камне, о замке? свода, о несущем перекрытии святой нашей веры. Виноват, ваше высокопреосвященство, боюсь, я не вполне улавливаю нить. Тогда слушайте, господин премьер-министр, в оба уха: без смерти нет воскресения, а без идеи воскресения нет религии. Вот дьявол. Что-что, простите, я не расслышал, повторите, пожалуйста. Нет-нет, ваше высокопреосвященство, я молчу, это, наверно, помехи, так сказать, интерференция, статические разряды, а может быть, покрытия нет, со спутниковой связью такое случается, не обращайтесь внимания, итак, вы говорили, что. Я говорил, что каждый католик, а вы, господин премьер-министр, не исключение, обязан знать, что церковь зиждется на идее воскресения, а кроме того, как могло вам прийти в голову, что бог способен желать собственного своего конца, утверждать подобное – значит совершать тягчайшее из богохульств, прямое святотатство. Да помилуйте, ваше высокопреосвященство, не говорил я, что бог желает собственного своего конца. Так прямо, может быть, и не говорили, однако же допустили возможность того, что бессмертие плоти нам даровано волей всевышнего, и не надо быть доктором трансцендентальной логики, чтобы понять – кто сказал одно, сказал и другое. Ваше высокопреосвященство, да это же риторическая фигура, ораторский прием, призванный произвести впечатление, не более того, политика, сами знаете, требует. Церковь тоже много чего требует, господин премьер, но мы семь раз отмеряем, прежде чем отрезать, взвешиваем каждое слово до того, как произнести его, и если бросаем слова на ветер, то берем поправку и рассчитываем самый отдаленный эффект, ибо наше дело, если желаете доходчивый пример, сродни баллистике. Я в отчаянии, ваше высокопреосвященство. На вашем месте я бы тоже был в отчаянии, и после этих слов кардинал, помедлив и словно давая снаряду время долететь до цели и разорваться, добавил уже мягче и сердечней: Хотелось бы знать, господин премьер, ознакомлен ли с вашим заявлением его величество. Ну разумеется, ваше высокопреосвященство, можно ли было поступить иначе в столь деликатном деле. И что же сказал вам наш государь – если это не государственная тайна. Одобрил. И в каких же выражениях. Потрясающе. Что – потрясающе. Его величество сказал мне: Потрясающе. То есть он тоже богохульствовал. Я, ваше высокопреосвященство, не считаю себя вправе выносить такого рода суждения, с меня хватает и собственных моих промахов. Мне придется иметь беседу с королем и напомнить ему, что в столь сложном, запутанном и деликатном деле лишь неукоснительно строгое следование доктринам святой нашей матери-церкви способно спасти страну от грозящего ей хаоса. Вам видней, ваше высокопреосвященство, вам и карты в руки. И я спрошу его величество, что предпочтительней: чтобы королева-мать вечно пребывала на

смертном одре, подняться с коего ей не суждено, и брэнная, распадающаяся оболочка продолжала удерживать ее бессмертную душу или же – чтобы она, смертью смерть поправ, в сиянии вечной славы вознеслась к небесам. Ответ очевиден. Разумеется, но вопреки тому, что вы думаете, господин премьер, меня интересуют не столько ответы, сколько вопросы, причем – наши вопросы: обратите внимание, что обычно они разом содержат и находящуюся на виду цель, и скрытое позади намерение и торят дорогу будущим ответам. Примерно так обстоят дела и в политике, ваше высокопреосвященство. Да-да, но преимущество церкви – хоть иногда так вовсе не кажется – в том, что она, имея дело с верхом, управляет низом. Последовавшую паузу нарушил премьер: Я уже почти дома, ваше высокопреосвященство, но позвольте коротенько осведомиться еще об одном. Прошу. Как быть церкви, если никто никогда больше не умрет. «Никогда больше», господин премьер-министр, это слишком общо даже по отношению к смерти. Сдается мне, ваше высокопреосвященство, что это не ответ. Ах, не ответ – так вот вам встречный вопрос: что предпримет государство, если никто никогда больше не умрет. Да государство-то постарается выжить, а вот каково придется церкви. А церковь, господин премьер-министр, до такой степени привыкла отвечать на вечные вопросы, что в другой роли я ее и вообразить себе не могу. Даже если это вступает в противоречие с действительностью. Мы с самого начала только тем и занимались и на том, с позволения сказать, стоим. А что скажет папа. На его месте – прости мне, господи, вздорную суетность! – я немедленно приказал бы пустить в обращение новую доктрину, а именно – доктрину отложенной смерти. И никаких объяснений. Церковь никогда ничего не просили объяснить, у нее другое ремесло: помимо баллистики, наше дело – верой смирять чересчур любопытный дух. Доброй ночи, ваше высокопреосвященство, всего хорошего, завтра увидимся. Если бог даст, господин премьер-министр, всегда и неизменно – если бог даст. По состоянию дел на текущий момент сомнительно, чтобы не дал и отменил наше свидание. Не забудьте, господин премьер-министр, что за рубежами нашей страны люди мрут исправно, как ни в чем не бывало, и это добрый знак. Как сказать, ваше высокопреосвященство, быть может, соседи видят в нашей стране оазис, эдем, новоявленный рай. Приглядишься они получше, увидели бы ад. Доброй ночи, ваше высокопреосвященство, желаю вам поживать спокойно и крепко. Доброй ночи, господин премьер-министр, и если смерть сегодня решит вернуться к нам, пусть не спохватится и не вспомнит о вас. Если справедливость в этом мире – не звук пустой, королеве-матери идти прежде меня. Обещаю не передавать ваши слова королю. Я вам чрезвычайно признателен, ваше высокопреосвященство. Доброй ночи. Доброй ночи.

В три часа ночи кардинала доставили в клинику с острым приступом аппендицита, потребовавшим немедленного хирургического вмешательства. Прежде чем черный туннель анестезии всосал прелата в себя, в тот быстрый миг, который предшествует полному отключению сознания, он, как и многие-многие другие до него, подумал, что может уже и не проснуться, потом вспомнил, что подобный исход теперь невозможен, и, наконец, последней вспышкой пронеслась в голове мысль о том, что, если он умрет, это будет означать, что таким вот парадоксальным образом все же сумел победить смерть. Охваченный неистовым восторгом самопожертвования, кардинал хотел было попросить бога, чтобы убил его, но расставить слова в должном порядке уже не успел. Наркоз избавил его от неслыханного святотатства – вверить полномочия смерти тому, кто больше известен как дарующий жизнь.

* * *

Хоть и немедленно поднятое на смех конкурирующими изданиями, сумевшими вырвать у вдохновения своих главных редакторов самые разнообразные и обстоятельные заголовки – попадались среди них драматические, встречались лирические, нередко были также философические и подернутые дымкой мистицизма, а то и проникнутые умилительным простодушием, которым решила, например, довольствоваться некая массовая ежедневная газета, завершившая вопль ЧТО ЖЕ ТЕПЕРЬ С НАМИ БУДЕТ завитым хвостиком вопросительного знака, – однако уже упомянутый нами заголовок на всю полосу НОВЫЙ ГОД, НОВАЯ ЖИЗНЬ при всей своей вопиющей банальности пролился бальзамом – неким, стало быть, банальзамом – на душу кое-кому из тех, кто по природной душевной склонности либо обкушавшись плодов просвещения ставит превыше всего незыблемость более или менее прагматичного оптимизма, даже если имеются веские основания подозревать, что дело идет о чистойшей и к тому же мимолетной мнимости. Живя, вплоть до вдруг нагрянувших дней смятения, в мире, который они считали лучшим из всех возможных и вероятных, люди эти, к безмерной своей отраде, обнаружили, что теперь у них на глазах происходит кое-что совсем уж замечательное, что уже на самом пороге стоит невероятная, расчудесная жизнь, где не будет каждодневного страха перед лязгом пресловутых ножниц парки, где никому не вручат письмо, вскрыв которое в урочный час узнаешь, куда надлежит тебе с получением сего отправляться – в рай, в чистилище или в ад, – где сгинет тот перекресток, на котором еще так недавно расходились в разные стороны наша жизнь в сей слезной юдоли и сужденный нам, дорогие товарищи, загробный удел. И потому ничего не оставалось скептически или хотя бы сдержанно настроенным изданиям, а вкупе

с ними – телевизионным и радиопрограммам, как броситься в эти прибойные волны всеобщего ликования, захлестывавшие страну с севера на юг и с запада на восток, охлаждавшие воспаленные мозги маловеров и уносившие прочь, с глаз долой, тень кладбищенского кипариса, которая, как известно, далеко падает. По прошествии известного срока и по обнаружении того, что и в самом деле никто не умирает, пессимисты и скептики – сначала поодиночке, потом малыми ручейками, а потом и целыми реками – стали втекать в разливанное море своих сограждан, которые использовали малейшую возможность выйти на улицу и криком прокричать, что вот теперь наконец жизнь и вправду прекрасна.

А потом одна недавно овдовевшая дама, не сыскав иного способа выразить переполнявшее ее счастье – и дай бог, если к нему примешивалась легчайшая печаль от сознания того, что раз она не умрет, то никогда больше не увидит многожды оплаканного мужа, – подумала: а не вывесить ли ей на своем украшенном цветами балконе государственный флаг. Это был тот самый случай, когда сказано – сделано. Не прошло и сорока восьми часов, как флаги запестрели по всей стране, заполнили весь пейзаж, причем в городе оказались заметнее по той очевидной причине, что висеть в окне или на балконе – не то что в чистом поле. Противостоять общему патриотическому подъему было решительно невозможно еще и потому, что откуда ни возьмись, то есть из неведомого источника, стали распространяться пламенные – чтобы не сказать, откровенно угрожающие – заявления вроде такого, например: Кто не вывесит бессмертный стяг нашей отчизны у себя в окне, не заслуживает того, чтобы оставаться в живых. С флагами по улицам не шатались только те, кто раньше и почти насильно успел всучить их бесфлажным согражданам со словами: Присоединяйся к нам, будь патриотом, купи флаг. Купи еще один. И третий тоже. Бей врагов жизни, жалко, что нельзя до смерти. Улицы превратились в настоящий рыцарский стан: повсюду виднелись развернутые знамена, развевавшиеся на ветру, при наличии, конечно, ветра, а при отсутствии его шел в ход электрический вентилятор, и если мощности его не хватало для того, чтобы полотнище, обретя мужественную упругость, вилось и струилось в воздухе, щелканьем своим вселяя ликование в воинственные души, то, по крайней мере, обеспечить достойное колыхание сей прибор мог. Находились, конечно, хоть и в небольшом числе, такие, кто втихомолку твердил, что, мол, это чересчур, что это перебор, что весь этот лес флагов когда-нибудь все равно придется убрать, а потому чем раньше это сделать, тем лучше будет, ибо как переслащенный пирог нехорош на вкус и вреден для желудка, точно так же и символы государственности станут посмешищем, если мы допустим, чтобы нормальное, более чем законное уважение к ним скатилось до такого вот явного непотребства, которое схоже с действиями эксгибициониста, распахивающего

своей недоброй памяти плащ. И потом, говорили они, если знамена вывешены, извините за тавтологию, в ознаменование столь знаменательного события – смерть перестала собирать свою жатву, – то, значит, одно из двух: либо мы их уберем, не дожидаясь отрыжки, неизбежной при столь неумеренном потреблении национальной символики, либо до конца дней своих, читай – до бесконечности, да-да, вот именно: до бесконечности, до скончания века, которое не настанет никогда, – будем менять их всякий раз, как они вылиняют на солнце, сгниют от дождей или порвутся под ветром. Немного, очень немного нашлось тех, кто осмеливался так вот, на людях, влагать персты в рану, а одному бедолаге вломили за его антипатриотическое злопыхательство столь крепко, что он и выжил-то лишь потому, что с начала года смерть приостановила в этой стране свою деятельность.

Но жизнь – она так уж устроена, что рядом с теми, кто смеется, всегда отыщутся те, кто плачет, причем, как будет явствовать из нижеследующего, причина для смеха и слез – одна и та же. Кое-какие весьма влиятельные профессиональные сообщества, всерьез обеспокоившись развитием ситуации, стали мало-помалу высказывать свое недовольство. Как и следовало ожидать, первыми облекли его в юридическую форму похоронные бюро. Грубо отторгнутые от сырьевых ресурсов, капитаны этой индустрии поначалу на классический манер заломили руки и взвыли хором плакальщиц: Ах, да на кого ж ты меня покинула, – однако вслед за тем, осознав, что от неминуемого краха не спасется ни один из представителей их сословия, созвали съезд, итогом работы которого после споров жарких и ожесточенных, но совершенно бесплодных, ибо все попытки выправить положение отрасли без участия смерти, каковое участие многие поколения гробовщиков и могильщиков привыкли воспринимать просто как дар природы, можно было смело уподобить стремлению прошибить голову каменную стену, да, так вот, значит, съезд, итогом которого стало обращение к правительству, содержавшее единственное предложение, столь же плодотворное и смехотворное, о чем честно предупредил председательствующий: Над нами потешаться будут, но иного выхода нет, либо это, либо гибель всего нашего похоронного дела. Мы, делегаты чрезвычайного съезда, говорилось в обращении, созванного для рассмотрения средств борьбы с тяжелейшим кризисом, постигшим отрасль в связи с повсеместным прекращением смертей, после всестороннего и тщательного анализа ситуации и ни на миг не забывая о высших интересах народа, пришли к единодушному выводу: избежать катастрофических последствий обрушившегося на нас бедствия, страшнее которого не переживала наша отчизна за все время своего существования, возможно лишь в том случае, если правительство специальным постановлением предпишет обязательное захоронение или кремацию всех домашних животных,

погибших как от естественных причин, так и в результате несчастного случая, возложив регламентированное должным образом исполнение вышеуказанных мероприятий на похоронные бюро и агентства, сотрудники коих, из поколения в поколение совершенствуя свое мастерство, зарекомендовали себя истинными радателями народного блага и явили высокие примеры самоотверженного служения обществу на ниве ритуальных услуг в самом глубоком и полном значении этого понятия. Далее в письме говорилось: Обращаем внимание правительства на то обстоятельство, что безотлагательное возрождение и неотъемлемая от него переориентация отрасли неизбежно потребуют значительных капиталовложений, ибо одно дело – проводить к месту последнего упокоения человеческую особь и совсем другое – предать земле прах кота или канарейки, не говоря уж о слоне из цирка или крокодиле из зверинца, то есть должен быть предусмотрен коренной и всесторонний пересмотр нашего традиционного ноу-хау, в чем поистине неограниченную помощь окажет нам уже накопленный опыт, который ныне будет распространен на устройство кладбищ для животных и захоронение последних, или, иными словами, превращение побочной, хотя и, не станем отрицать, высокодоходной формы деятельности в единственную и исключительную, благодаря чему возможно будет избежать увольнения сотен, если не тысяч тех самоотверженных и ревностных работников, которые, на протяжении стольких лет ежедневно и бестрепетно видя перед собой ужасающий лик смерти, ни в малейшей степени не заслужили того, чтобы ныне она поворачивалась к ним спиной. В заключение, господин премьер-министр, во имя жизненно необходимой защиты профессии, тысячелетиями доказывавшей свою нужность и полезность обществу, мы убедительно просим не только как можно скорее принять по нашему ходатайству благоприятное решение, но и в кратчайшие сроки открыть для восстановления элементарной справедливости кредитную линию и предоставить нам беспроцентный долговременный заем, который, несомненно, будет содействовать скорейшему оживлению того сектора экономики, чье существование впервые подвергается угрозе, какой не знавала не только история, но, вероятно, даже эпохи, называемые доисторическими, ибо нигде, никогда, ни при каких обстоятельствах не может и не должен окончивший свой земной путь представитель рода человеческого лишиться того, кто рано или поздно предаст его тело земле, если только сама земля не разверзнется, великодушно предоставляя покойному последний приют в своем лоне. С уважением, дата, подпись.

Вслед за тем и администрация больниц, госпиталей и клиник, как частных, так и государственных, без промедления принялась стучаться в двери министерств здравоохранения и социальной опеки, дабы высказать их руководителям свои

опасения, которые, как ни странно, лежали в сфере логистики, а не чистой медицины. Было заявлено, что в постоянно движущейся цепочке, звеньями коей являются больные и два разряда переставших быть таковыми: одни выздоровели и выписались, другие перешли в разряд покойников, случилось, с позволения сказать, нечто вроде короткого замыкания, а если не употреблять термины электротехники, то – пробка: не та, что перегорает, а та, что на дорогах: короче говоря, постоянно увеличивалось число пациентов, которым по тяжести заболевания или травм, полученных в результате какого-нибудь несчастного случая, в обычных обстоятельствах давно уже полагалось бы переселиться в лучший мир. Положение серьезное, твердило больничное начальство, мы уже размещаем пациентов в коридорах, и все указывает на то, что в ближайшее время столкнемся с нехваткой уже не только кроватей, но и помещений, ибо все они, включая комнаты для персонала, будут заполнены. И заявляло, что, поскольку имеющийся способ решить эту проблему задевает, пусть и по касательной, клятву Гиппократа, решение это, буде принято, должно быть не медицинским и не административным, но политическим. Умный понимает с полуслова, и министр здравоохранения, посоветовавшись с главой правительства, издал следующее распоряжение: Учитывая непрекращающийся наплыв больных в стационары, грозящий значительно осложнить бесперебойное функционирование всей лечебной системы и являющийся прямым следствием резкого увеличения количества пациентов, которые находятся при смерти и будут пребывать в этом состоянии неопределенно долгое время – причем без надежды на улучшение или хотя бы положительную динамику до тех, по крайней мере, пор, пока стремительно развивающаяся медицинская наука не предложит новые лекарственные средства и лечебные методы, – правительство рекомендует администрациям больниц после тщательного и всестороннего осмотра каждого пациента, осмотра, долженствующего подтвердить необратимость процессов, ведущих к летальному исходу, передавать таких больных на попечение родственников, но при этом обязывает тем не менее руководителей медицинских учреждений обеспечивать проведение всех клинических исследований и лечебных мероприятий, которые домашние/семейные врачи признают необходимыми или хотя бы желательными. Настоящее решение основывается на весьма убедительном предположении о том, что пациенту, постоянно находящемуся при смерти, постоянно отодвигающейся, должно быть чуть менее чем безразлично – даже в редкие моменты просветления, – где именно он пребывает: в переполненной ли больничной палате или в лоне семьи, поскольку ни там, ни здесь он не сможет ни умереть, ни выздороветь. Пользуясь случаем, правительство доводит до сведения граждан, что полным ходом проводятся исследования, призванные установить остающиеся до сей поры невыясненными причины внезапного

исчезновения смерти. Сообщаем также о том, что недавно образованной экспертной комиссии, в состав которой вошли священнослужители различных конфессий и представители различных философских направлений – этим всегда есть что сказать по данному поводу, – поручено разобраться в столь тонкой и щепетильной проблеме, как бессмертие, и одновременно выработать хотя бы примерный перечень ожидающих наше общество проблем, первая и главная из которых формулируется таким жестоким вопросом: Что нам делать со стариками, если больше не приходится рассчитывать на то, что смерть, как бывало прежде, урежет избыток их капризов и чудачеств.

Администрация домов призрения, сих благотельных заведений, созданных во имя спокойствия домочадцев, не имеющих ни времени, ни должного терпения ухаживать за теми, кто если и ходит, то только под себя, вытирать им сопли и слюни, бороться с последствиями недержания, проистекающего – и ох как еще проистекающего – от изношенности сфинктера, и вставать по ночам с постели на слабый зов предков, не замедлила устремиться по пути, проложенному похоронными бюро и больницами, и тоже принялась биться головой о стену. Справедливости ради признаем, что стоявший перед ними выбор – принимать или не принимать новых постояльцев – по нестерпимой своей мучительности поистине не знал себе равных. Прежде всего потому, что результат – а не он ли, спросим, определяет решение подобных дилемм – в любом случае был бы один и тот же. Привыкнув, подобно своим товарищам по несчастью – мастерам внутривенных вливаний и плетельщикам венков с траурными лиловыми лентами, к тому, что чередование жизни и смерти происходит безостановочно и споро, руководители интернатов и домов престарелых даже и помыслить боялись о том времени, когда лица и тела их подопечных если и будут меняться, то для того лишь, чтобы все сильнее проявлять черты упадка и распада: густеющую день ото дня сетку морщин, обращающих лицо в подобие печеного яблока, дрожь в руках и слабость в коленках, шаткость походки, неверную зыбкость движений, уподобляющих человека утлону челноку в бурном море. Попадая в сей приют безмятежного заката – таково было официальное название богадельни, – каждый новый питомец неизменно делался для зрителей предметом радостных хлопот, поскольку следовало запомнить его имя, накрепко затвердить его, из внешнего мира принесенные обыкновения, чудачества и странности, присущие ему одному: некий отставной чиновник целыми днями отчищал свою зубную щетку от остатков зубной пасты, а некая старушка ночи напролет рисовала генеалогическое древо своей семьи и все никак не могла уместить в клеточках имени, долженствовавшие свисать с его ветвей. На несколько недель, покуда силою привычки не уравнивался новичок во внимании и заботе со всеми остальными, он становился общим баловнем и любимчиком –

последний раз в жизни, а она с недавних пор, неизвестно зачем и почему, длится вечность, которую можно сравнить с солнцем, осеняющим благодатью своих лучей каждого жителя этой новой аркадии – сравнить-то можно, но лучше не надо, ибо мы своими глазами видим, как меркнет дневное светило, и при том остаемся живы. Теперь все изменилось: теперь участь каждого нового постояльца известна заранее, и он не покинет интернат, чтобы помереть дома или в больнице, как случалось в доброе старое время, когда прочие обитатели торопливо запирались в своих комнатах, чтобы смерть ненароком не прихватила с собою их тоже; теперь нам известно, что это все осталось в безвозвратном прошлом, но ведь должны же власти подумать о нас, о владельцах, о заведующих и о сотрудниках домов призрения, позаботиться о нашей судьбе, а она плачевна: нас-то кто приютит, когда придет час опустить руки, и, заметьте, мы ни в малейшей степени не распоряжаемся тем, к чему все же имеем кое-какое отношение, по крайней мере, оно на протяжении многих-многих лет давало нам работу, – читатель уже, наверно, понял, что тут вступил хор служащих, – а иными словами, нам не будет места в наших приютах безмятежного заката, если только не выставим оттуда скольких-то клиентов, и эта мысль уже приходила в голову правительству, когда дебатировался вопрос о пробках в больницах: Пусть вспомнит о своих обязательствах семья, сказала тогда правительство, но ведь для этого надо, чтобы у кого-то в семье оставалась хоть капля разума в голове, а во всем прочем теле – хоть немного энергии, меж тем всем известно по собственному опыту и из наблюдений за миром, что срок годности тому и другому истекает со скоростью вдоха, если сравнить его, вздох то есть, с вечностью, недавно у нас установившейся, спасение же, господа, в том, чтобы умножать количество домов для престарелых, да не так, как было до сих пор, когда под них отводились дома и особняки, знававшие лучшие времена, нет, придется строить с нуля огромные здания в форме, например, пятиугольника-пентагона, или вавилонской башни, или кносского лабиринта: сначала здания, потом кварталы, потом города или, называя вещи своими именами, исполинские кладбища для живых, чья роковая и необратимая дряхлость попадет под должный присмотр, заповеданный богом, на срок, ему же одному ведомый, то есть до конца дней своих, каковой конец отодвигается на неопределенное время, что порождает двойную проблему, требующую внимания должностных лиц и состоящую в том, что увеличение числа все более и более древних старцев и старух приведет к росту численности тех, кто должен будет за ними ухаживать, а он, в свою очередь, к тому, что соотношение возрастов в обществе, которое схематически можно представить фигурой ромбоида, изменит свои очертания, и чудовищное, непрерывно возрастающее количество стариков будет заглатывать, как питон, новые поколения, а те, превратившись в большинстве своем в сиделок и санитаров, потратив бо?льшую

и лучшую часть своей жизни на заботу о стариках разного возраста – от почтенного до мафусаилова, – на уход за уходящими в бесконечность рядами отцов, дедов, прадедов, прапрадедов и иных, еще более отдаленных предков и пращуров, подобных листьям, которые слетают с ветвей и слой за слоем ложатся в кучу опавших прошлой, и позапрошлой, и позапозапрошлой осенью – о? sont les neiges d'antan[4 - «Но где же прошлогодний снег?» (фр.) – строчка из «Баллады о дамах былых времен» Франсуа Вийона. (Перевод Н. Гумилева.)], спросим мы вслед за поэтом – сами начнут строиться в легионы, в муравьиные полчища подслеповатого и тугоухого народца, что идет по жизни, постепенно теряя зубы и волосы, страдая катаром и маясь грыжей, или никуда уже не идет, а лежит с переломом шейки бедра или в параличе, не способный хотя бы подобрать текущие по подбородку слюни, и поверьте, ваши превосходительства, господа министры, свалившаяся на нас напасть и в самом кошмарном сне не могла присниться, не видано было ничего подобного даже в те времена, когда человек обитал в непреходящем ужасе пещерной тьмы, и, уверяем вас во всеоружии опыта, обретенного нами при организации первого приюта безмятежного заката, все прочее – это пустяки и детские игрушки, но ведь для чего-то же даровано нам воображение, и позвольте нам высказаться напрямик, господин премьер-министр, и заявить положе руку на сердце: лучше смерть, лучше смерть, чем такое.

Смертельная опасность нависла над всей нашей отраслью, заявил журналистам президент федерации страховых обществ, имея в виду многие тысячи будто под копирку написанных писем, требовавших немедленно расторгнуть договоры страхования жизни. Во всех и в каждом сообщалось, что, поскольку смерть, как стало широко известно, прекратила свое существование, было бы полнейшей нелепостью, чтобы не сказать сильнее, по-прежнему платить взносы, которые ныне служат только и исключительно обогащению и без того богатых компаний. Не желаю кормить ослов пирожными, восклицал в постскриптуме один из особенно разозленных клиентов. Другие шли еще дальше и требовали возврата уже внесенных сумм, но это делалось лишь для очистки совести, на всякий случай, который вдруг возьмет да и окажется счастливым. На неизбежный вопрос журналистов о том, что же намерены делать страховые общества, внезапно накрытые залповым огнем тяжелой артиллерии, президент федерации отвечал, что, хотя юрисконсульты в настоящее время изучают типовые полисы, желая найти самомалейшую возможность, оставаясь, разумеется, в рамках закона, так истолковать какой-либо пункт, печатаемый обычно мелким шрифтом, чтобы клиенты, пусть и против своей воли, продолжали платить пожизненно, то есть вечно, однако, скорей всего, им предложат некое джентльменское соглашение, разумный компромисс, заключающийся в том, что

к тексту договора будет добавлено краткое приложение, которое определит восемьдесят лет возрастом обязательной смерти, что следует понимать в фигуральном смысле, поспешил он добавить со снисходительной улыбкой. Таким образом, платежи будут, как и прежде, взиматься вплоть до того дня, когда счастливчик-застрахованный, отпраздновав свое восьмидесятилетие и сделавшись умопостигаемым покойником, получит право потребовать страховую премию, каковая и будет выплачена ему в полном объеме. Следует добавить, что по желанию клиентов договор может быть продлен еще на восемьдесят лет, по истечении коих будет зарегистрирована очередная виртуальная, как принято ныне выражаться, кончина и процедура выплаты повторена, а затем еще, еще и еще раз. В этом месте послышались восхищенные возгласы журналистов, и в ответ на прошумевший по залу легкий рукоплеск признательный президент наклонил голову. Тактический расчет оказался на уровне стратегического замысла, ибо в тот же день в страховые компании посыпались новые письма, объявлявшие прежние не имеющими силы. Все клиенты поспешили заключить джентльменские соглашения со страховщиками, и это был один из тех редчайших случаев, когда и волки сыты, и овцы целы, и все довольны – в особенности страховые компании, на волосок разминувшиеся с летевшей им прямо в лоб катастрофой. Не вызывало сомнений, что президент федерации в итоге ближайших же выборов вновь займет должность, которую исполнял столь блистательно.

* * *

О первом заседании смешанной комиссии можно сказать все, кроме того, что оно прошло успешно. Ответственность, если уместно здесь это тяжеловесное слово, лежит на драматическом меморандуме, направленном в правительство администрацией дома призрения и кончавшемся столь угрожающей фразой: Лучше смерть, господин премьер-министр, лучше смерть, чем такое. Когда философы, разделившиеся, по обыкновению, на хмурых пессимистов и смешливых оптимистов, в тысячный раз хотели было развернуть малость подвядшую дискуссию о стакане то ли наполовину полным, то ли наполовину пустом, каковая дискуссия применительно к предмету, который свел их вместе, свелась бы к простому перечислению достоинств и недостатков, преимуществ и неудобств вечной жизни в сопоставлении со смертью, представители различных религиозных течений, выступив единым фронтом, попытались направить дискуссию эту по иному и единственно интересовавшему их руслу – а именно доказать, что смерть есть неременная основа царства божьего и что, стало быть, любой спор о будущем без смерти станет не столько святотатственным,

сколько абсурдным, поскольку в качестве неизбежной предпосылки предусматривает отсутствие, если не исчезновение, бога. Ничего нового: кардинал уже указал, где собака зарыта, уже ткнул пальцем в эту теологическую разновидность квадратуры круга, когда в беседе с премьер-министром сообщил ему, пусть и не в столь ясных выражениях, что без смерти не будет и воскресения, а без воскресения теряет всякий смысл существование церкви. Если нет смерти, того единственного орудия, которое господь вверил людям, чтобы пролагали пути, ведущие в его царство, то следует сделать один непреложный и неопровержимый вывод: вся священная история неизбежно заходит в тупик. Этот аргумент прозвучал из уст старейшего из философов-пессимистов, который, однако, тут не остановился, а пошел дальше, произнеся целую речь: Все религии, сколько ни будь их на свете и как бы мы их ни крутили, оправдывают свое существование одним – смертью, ибо нуждаются в ней не менее, чем в хлебе насущном. Представители религий возражать не стали. Напротив, один из них, входивший в католический сектор, сказал: Вы совершенно правы, мы для того только и существуем, чтобы люди всю свою жизнь влачили, как жернов на шее, тяжкое бремя страха, а в смертный час воспринимали свою кончину как освобождение. И надеялись попасть в рай. В рай, или в ад, или вообще в никуда, и должен заметить, что происходящее после смерти заботит нас значительно меньше, нежели принято считать: религия, господин философ, занимается земными делами, а к небесам отношения не имеет. Не приходилось слышать такого. Ну надо же говорить что-то, чтобы сбывать наш товар. Иными словами, вы не верите в загробную жизнь. Мы принимаем ее в расчет. Старейший из философов дождался, когда по лицу его расплывется неопределенная улыбка, с какой встречают обычно трудный, но успешно завершившийся лабораторный опыт. Но если так, вмешался философ оптимистического крыла, почему вас столь сильно пугает исчезновение смерти. А кто сказал, что она исчезла, она просто перестала убивать, это разные вещи. Согласен, но, покуда это сомнение не разрешено, вопрос свой не снимаю. Потому что, если бы люди не умирали, все стало бы дозволено. А это плохо, осведомился старый философ. Когда все дозволено, это так же плохо, как когда не дозволено ничего. В этом месте все помолчали. Восьмерым мужчинам, сидевшим вокруг стола, было поручено поразмышлять о том, что? сулит человечеству грядущее без смерти, и на основании имеющихся данных сделать отдаленный прогноз относительно тех новых проблем, с которыми столкнется человечество; излишне говорить, что неизбежно обострятся и все старые проблемы. А лучше вообще ничего не предпринимать, молвил философ-оптимист, грядущие проблемы пусть грядущее и решает. Беда в том, отвечал пессимист, что они хоть и грядущие, да уже нагрянули, у нас здесь, помимо прочего, обращения в правительство, поданные богадельнями, больницами,

похоронными бюро, страховыми агентствами, и, если не считать последних, которые всегда отыщут способ извлечь выгоду из любой ситуации, следует признать, что перспективы не просто мрачные, а катастрофические, ужасающие, превосходящие игру самого разнузданного воображения. Не сочтите мои слова за иронию, в данных обстоятельствах свидетельствующую о дурном вкусе, высказался представитель протестантов, но комиссию нашу следует счесть мертворожденной. Администрация приюта безмятежного заката права, проговорил католик, лучше смерть, чем такое. Есть ли иные предложения, кроме немедленного роспуска нашей комиссии, что, похоже, является вашим заветным желанием, осведомился философ-пессимист. Мы, представители Римской католической апостольской церкви, развернем общенациональную кампанию и призовем верующих молиться о том, чтобы господь в кратчайшие сроки явил милость и вернул смерть, дабы несчастное человечество избежало еще горших бед. А господь наделен властью над смертью, спросил кто-то из оптимистов. Да это же две стороны одной монеты: орел и решка. Но если так, то, может быть, смерть и удалится по божьей воле. В свое время нам станет ясен смысл этого искусства, а пока возьмемся за четки. Мы тоже начнем молиться, хоть, разумеется, и без четок, улыбнулся протестант. А еще мы выведем на улицы шествия верующих, наподобие тех, что ходят *ad petendam pluviam*, с молитвой о ниспослании дождя, перевел католик. Ну, до такого мы не доходили, снова улыбнулся протестант, всеми эти шествиями и процессиями мы не увлекались никогда. Но что же, спросил философ-оптимист тоном, свидетельствующим, что он в самое ближайшее время намерен переметнуться в стан противника, что же нам делать теперь, когда едва ли не все двери перед нами захлопнулись. Для начала продолжать заседание, отозвался его престарелый коллега-пессимист. А потом. А потом продолжать философствовать, раз уж мы для этого родились на свет. А зачем. А зачем, не знаю. Тогда почему. Потому что философия не меньше религии нуждается в смерти, мы и философствуем-то, зная, что умрем, и недаром же мосье де монтень[5 - Мишель де Монтень (1533–1592) – французский писатель, политический деятель, философ. Это высказывание, содержащееся в первом томе его «Опытов», он приводит, ссылаясь на Цицерона, который, в свою очередь, заимствовал его у Платона.] обмолвился как-то, что философствовать – значит учиться умирать.

Но даже кое-кто из тех, кто не был философом – по крайней мере, в обычном смысле слова, – сумел найти дорогу к смерти. И как ни странно, не для того, чтобы научиться умирать самому, ибо время еще не пришло, но – чтобы обмануть смерть и помочь ей унести других. В самом скором времени подтвердилось, что род людской поистине неистоим на выдумки. В какой-то деревушке, расположенной в нескольких километрах от границы, жила-была

крестьянская семья, в которой, как видно, за грехи ее имелся не один, а двое домочадцев, пребывавших при смерти или, как стало принято говорить, – в состоянии отложенной смерти. Один из них был дед – человек старого закала, в былые и недавние времена – непреклонный патриарх, которого теперь болезнь превратила в полное ничтожество, в рухлядь и ветошь, не лишив лишь дара речи. Другой – ребенок нескольких месяцев от роду, еще не знавший даже слов «жизнь» и «смерть» и настоящей смертью лишенный возможности слова эти выучить. Оба в буквальном смысле были ни живы ни мертвы, и сельский врач, навещавший их раз в неделю, говорил, что уже нельзя им ни помочь, ни навредить, ни даже вколоть поочередно добрую дозу того смертельного снадобья, которое еще не так давно помогало радикальному решению подобных проблем. И то единственное, что было лекарю по силам, – попытаться подтащить их, так сказать, на шаг ближе к тому месту, где предположительно находилась смерть, – также оказалось бы зряшной затеей, пустыми хлопотами, ибо в тот же самый миг смерть, оставаясь недостижимой, сделала бы шаг назад и тем самым сохранила бы дистанцию. Семейство обратилось к священнику, тот выслушал, возвел очи горе? и не нашел ничего лучшего, как сообщить, что все мы в руке божьей и что милосердие божье безгранично. Ну да, безгранично, однако недостаточно, чтобы помочь нашему отцу и деду почить с миром, а невинного младенца, никому не причинившего зла в этом мире, – спасти. В этом вот межуточном состоянии – ни туда ни сюда – пребывали они без средств к спасению и без надежды на него, как вдруг старик сказал: Подойдите кто-нибудь. Пить хотите, спросила замужняя дочка. Не пить, а умереть. Сами ведь знаете, что доктор сказал – это невозможно, смерти больше нет. Ничего не смыслит ваш доктор, с тех пор как мир стал миром, всегда отыщется в нем время и место умереть. А сейчас нет. Не нет, а да. Папа, не волнуйтесь, а то жар начнется. Нет у меня жара, а и был бы, ничего бы не изменилось, слушай меня внимательно. Слушаю. Ближе подойди, боюсь, голос мне изменит. Говорите. И старик прошептал ей на ухо несколько слов. Она замотала головой, но он настаивал. Это ничего не решит, пролепетала ошеломленная и побледневшая от страха дочь. Решит. А если нет. Попытка не пытка. Но если все же нет. Тогда вернете меня сюда. А мальчик. А мальчика возьму с собой: если я там останусь, то и он со мной. Дочь задумалась, на лице ее отразилось смятение, и наконец спросила: А почему же не здесь. Представь, что будет, когда появятся двое покойников в краю, где никто, как ни старается, помереть не может, как ты все это объяснишь, да и потом, судя по тому, как идут дела, сомневаюсь я, что смерть позволит нам вернуться. Это безумие, отец. Может, и безумие, но иного выхода я не вижу. Мы хотим, чтобы вы жили. Жил, да не такой жизнью, как сейчас, когда я не то мертвец, похожий на живого, не то живой, подобный мертвецу. Если и вправду такова ваша воля, мы исполним ее. Поцелуй меня.

Дочь прикоснулась губами к его лбу, заплакала и вышла. И, слезами заливаясь, сказала прочей родне, что отец велел сегодня же ночью вывезти себя за пограничную черту, где, по его представлениям, смерть пока не утратила своей силы, а им всем остается лишь выполнить его волю. Новость эта встречена была со смешанными чувствами гордости и смирения: гордости – потому что не каждый день бывает, чтобы старец своими, так сказать, ногами двинулся к смерти, которая от него убегает, а смирения – потому что все равно пропадать. Поскольку давно уже сказано, что все иметь нельзя, то отважный старик оставит после себя только свое бедное и честное семейство, которое, без сомнения, будет чтить его память. Состояло же оно не только из дочки, что вышла в слезах, и не только из младенца, который никому не успел причинить зла, – имелись еще вторая дочка с мужем и тремя детишками, крепкого, к счастью, здоровья, и их тетка, незамужняя и давно упустившая время, когда можно было выйти замуж. Второй зять, то есть супруг той дочери, что вышла в слезах, живет в далекой стране, куда уехал на заработки, и завтра он узнает, что лишился и единственного сына, и тестя, которого уважал. Так уж устроена жизнь: одной рукой даст, а потом, в свой час, другой рукой все отнимет. Впрочем, родственные узы каких-то крестьян не слишком важны для нашего рассказа, и, вероятней всего, они в нем больше не появятся, нам-то это известно лучше, чем кому бы то ни было, однако считаем, что неправильно, даже с точки зрения повествовательной техники, ограничить двумя скупыми и быстрыми строчками рассказ о тех людях, которым суждено стать главными героями одного из самых драматических эпизодов этой истории – неправдоподобной, но правдивой. Так что пускай побудут. Да, забыл сказать, что незамужняя тетка успела выразить сомнение. А что соседи скажут, спросила она, когда увидят, что здесь больше нет тех, кто был при смерти да все никак не умирал. Вообще-то, незамужней тетке несвойственно было выражаться так замысловато, а если сейчас выразилась, то лишь для того, чтобы не расплакаться навзрыд, произнеся имя мальчика, который никому еще не успел причинить зла, и словосочетание «моего отца». Ответил ей отец троих детишек: Скажем просто о том, что произошло, и будем ждать последствий, а нас, без сомнения, обвинят, что мы схоронили их тайно, не на кладбище и не уведомив власти, да еще и в другой стране. Дай бог, чтоб войны из-за этого не случилось, отвечала тетка.

Незадолго до полуночи вышли они по направлению к границе. И деревня, будто подозревая, что воспоследуют некие странные события, угомонилась позже обычного. Но вот затихли улицы, одно за другим погасли окна в домах. Запрягли мула, а потом с большим трудом, хоть старик почти ничего и не весил, вынесли его и погрузили на телегу, а когда чуть слышным голосом он спросил, не забыли ли лопату и кирку, успокоили, сказав: Ни о чем не тревожьтесь, отец, и потом

мать вынула из колыбели ребенка, прижала к груди, шепнула: Прощай, сыночек, больше мы с тобой не увидимся, что было неправдой, ибо она с сестрой и сестриным мужем, то есть зятем, тоже собиралась ехать: трое для предстоявшего им дела – вовсе не много. Незамужняя же тетка не захотела проститься с теми, кто покидал дом навсегда, и заперлась в комнате с малолетними своими племянниками. Опасаясь, что железные ободья, загромыхав по неровно вымощенной деревенской улице, заставят любопытных односельчан прильнуть к окнам, чтобы узнать, куда это собрались их соседи в такую глухую пору, семейство дало кругая и выбралось на тракт уже за околицей. Пограничный рубеж был невдалеке, но дорога к нему не вела, и потому через небольшое время пришлось опять своротить на довольно узкую тропу, по которой телега проходила с трудом, не говоря уж о том, что последний отрезок пути предстояло проделать пешком, а как старика тащить, одному богу известно. По счастью, зять хорошо знал здешние леса, поскольку исходил их все с охотничьим ружьишком, а кроме того, немного баловался контрабандой. Часа два добирались до того места, где должны они были оставить телегу, а как добрались, осенила зятя идея посадить старика верхом и уповать на крепость муловых поджилок. Выпрягли, освободили от всякой добавочной сбруи и с невероятными усилиями стали взволакивать отца мулу на спину. Женщины плакали и причитали, и со слезами вместе выходили из них последние силы, а их и так было немного. Бедный старик пребывал в полуобмороке, словно бы уж переступив первый порог смерти. Не выходит, с досадой вскричал зять, но тут его осенило: он сядет первым, а потом втащит тестя и посадит его перед собой: Обхватчу его, буду держать. Молодая мать меж тем подошла к телеге подоткнуть одеяльце, которым укрыт был младенец, чтоб, не дай бог, не просквозило, а потом вернулась и стала помогать сестре. Ничего, однако, не получалось, как ни старались: старик был точно свинцом налит, только и смогли, что чуточку приподнять его с земли. И тут случилось нечто невиданное и сверхъестественное: а проще говоря – чудо. Словно бы сила земного тяготения на миг перестала действовать или вектор ее, сменившись, направился снизу вверх, но тело старика вдруг мягко высвободилось из рук дочерей и, само собой поднявшись в воздух, опустилось на подставленные руки зятя. А небо, с самого вечера заволоченное грузными низкими тучами, грозившими пролиться дождем, вдруг прояснилось, и выглянула луна. Можем трогаться, сказал зять, обращаясь к жене, ты поведешь мула. Мать ребенка отвела чуть в сторону угол одеяльца поглядеть на своего мальчика. Закрытые глаза казались двумя бледными пятнышками, черты лица расплывались. Она вскрикнула так, что огласилась вся округа и вздрогнули в своих норах лесные звери: Нет, не могу, не понесу его на ту сторону, чтоб собственными своими руками предать смерти, везите отца, я здесь останусь. Сестра подошла к ней, сказала: Хочешь год за годом смотреть,

как он мучается. Твои трое здоровы, тебе легко говорить. Твой сын – все равно что мой. Если так, ты его и неси, а я не могу. Ты не можешь, а я не должна, это равносильно убийству. Какая разница, кто понесет. Предать смерти и убить – не одно и то же, по крайней мере, в таких обстоятельствах, ты его мать, а не я. Разве ты смогла бы отнести одного из своих или всех разом. Смогла бы, наверно, но ручаться не стану. Стало быть, я права. Если так, жди нас здесь, мы отвезем деда. И, отойдя, взяла мула под уздцы, сказала мужу: Пошли. Пошли, отозвался тот, только шагом, неровен час, свалится. Блистала на небе полная луна. Где-то впереди проходил пограничный рубеж – линия, которая видна только на карте. Как мы узнаем, спросила жена. Отец даст нам знать, был ответ. Она поняла и больше уже ни о чем не спрашивала. Прошли дальше, еще сто метров, еще десять шагов, и вдруг муж сказал: Пришли. Кончился. Да. И чей-то голос позади повторил: Кончился. Мать в последний раз положила мертвого ребенка на сгиб левой руки, а правой вскинула на плечо позабытые зятем и сестрой лопату и кирку. Еще немного пройдем, вон до той прогалины, сказал зять. В отдалении, на склоне, светилась огнями деревня. По тому, как ступал мул, понятно было, что почва стала мягкой, копать будет легко. Вот это место мне нравится, произнес наконец зять, и дерево приметное, легко будет найти, когда принесем сюда цветочков. Мать выпустила из руки лопату с киркой и плавно опустила сына наземь. Потом обе сестры с крайней осторожностью подхватили тело и, не дожидаясь помощи уже слезавшего с мула мужчины, положили старика рядом с младенцем. Мать рыдала и повторяла однотонно: Отец мой, сын мой, и плачущая сестра обняла ее, сказала: Так лучше, так лучше, поверь, это ведь была не жизнь. Обе стали на колени, оплакивая мертвых, сумевших обмануть смерть. Зять, вооружась лопатой, уже рыл яму, выбрасывал из нее землю и вновь принимался копать, и чем дальше, тем тверже, плотней, каменистей становилась почва, так что лишь через полчаса усердной работы получилась могила нужной глубины. Не было ни гробов, ни саванов, тела уйдут в землю в чем были при жизни. Объединив усилия, мужчина и две женщины – он спрыгнул вниз, они зашли с обеих сторон – начали медленно спускать в могилу тело старика: дочери держали его за раскинутые, словно на перекладине креста, руки, зять принял, и вот тело легло на дно прямоугольной ямы. Женщины плакали не переставая, у зятя глаза были сухие, но трясло его и колотило, как в лихорадке. Худшее было еще впереди. Под слезы и стоны опустили в могилу и младенчика, примостили сперва под боком у деда, но вышло неладно: маленькое немощее тельце, ненужная и неважная жизнь, лежало как-то отъединенно, наособицу, будто ничье. Тогда мужчина нагнулся, поднял ребенка, положил его лицом вниз на грудь старику, а руки его скрестил на крошечной спинке, и вот теперь получилось хорошо, и оба готовы были в уюте встретить вечный покой, и теперь можем забрасывать их землей – осторожно и постепенно, чтобы они могли еще

какое-то время видеть нас, прощаться с нами, а мы – слышать, что они говорят: Прощайте, дочери, прощай, зять, прощайте, тетушки, прощай, мама. Когда закопали, зять разровнял землю, чтобы, если кто пойдет мимо, не догадался, что тут могила. Поставил камень в головах и другой, поменьше, в ногах, засыпал могилу травой, которую наковырял мотыгой еще раньше, и через несколько дней другие растения, живые, займут место этих вот мертвых, увядших, высохших, которые накормят собою ту самую землю, из которой выросли. Зять большими шагами отмерил расстояние от могилы до приметного дерева, и шагов оказалось двенадцать, потом закинул на плечо лопату и кирку, сказал: Идемте. Луна скрылась за тучами, снова задернувшими небосвод. Как раз когда семейство запрягло мула в телегу, пошел дождь.

* * *

Участники сего драматического эпизода, только что с непривычной для нас обстоятельностью предложенного вниманию любознательного читателя, были при своем внезапном появлении на сцене обозначены в плане социальном как бедные крестьяне. И ошибка, проистекшая от не подтвержденного фактами впечатления, которое они произвели на повествователя, от поверхностного их изучения, должна быть немедленно исправлена, ибо правда всего дороже. Бедная – по-настоящему бедная – крестьянская семья никогда не могла бы ни владеть телегой, ни обладать достаточными средствами, чтобы содержать столь прожорливое животное, как мул. Стало быть, речь идет о мелких земледельцах, людях среднего достатка, получивших образование хотя бы в рамках средней школы, что позволяет им вести друг с другом диалоги не просто грамматически правильные, но имеющие и то, что за неимением лучшего одни называют содержанием, другие – сутью, а третьи, более осмотрительные, – смыслом. А иначе разве смогла бы незамужняя тетка построить такую красивую фразу, которую мы уже комментировали выше: Что скажут соседи, увидав, что здесь больше нет тех, кто был при смерти да все никак не умирал. Что ж, вовремя исправив промах, восстановив истину, послушаем теперь, что же сказали соседи. Несмотря на все предосторожности, кто-то из них все же заметил телегу и подивился – куда, мол, понесло этих троих на ночь глядя. Именно в эти слова облек бдительный сосед свое удивление, адресовав его самому себе: Куда же это их понесло на ночь глядя, – а утром повторил, внося небольшие изменения и обратив уже к зятю хорошо нам известного старика: Куда же это понесло вас вчера на ночь глядя. Спрошенный ответил что-то в том смысле, что, мол, по делам, но сосед таким ответом не удовлетворился: Какие могут быть дела в ночь-полночь, с телегой, женой и свояченицей, воля твоя, а странно. Странно,

однако так все и было. А откуда же вернулись вы, когда уже светало. А это не твое дело. Тут ты прав, извини, это и в самом деле не мое дело, но, во всяком случае, полагаю, что могу тебя спросить, как старик-то. Все так же. А племянник. По-прежнему. Дай бог, чтоб полегчало обоим. Спасибо. Ну, пока. Пока. Сосед сделал несколько шагов, остановился и вернулся. Показалось мне, будто вы что-то грузили на телегу, и еще показалось, будто невестка твоя несла на руках своего младенца, а если не показалось, а так все и было, скорей всего, что клали вы в телегу тестя, завернутого в одеяло, тем более что. Тем более – что. Тем более что назад телега вернулась порожняком, а невестка твоя – с пустыми руками. Как видно, ты всю ночь глаз не смыкал. Я чутко сплю, чуть что – просыпаюсь. Проснулся, когда мы уезжали, проснулся – когда вернулись, это называется «совпадение». Оно самое. Значит, желательно тебе, чтоб я рассказал, как все было. Желательно. Тогда ступай за мной. Вошли в дом, сосед поздоровался с тремя женщинами и добавил не вполне искренне: Извините за беспокойство – и подождал. Ты первым все узнаешь, молвил зять, и клятвы молчать мы с тебя не берем. Говори лишь то, что хочешь сказать. Тесть мой и племянник прошлой ночью умерли: мы отвезли их по ту сторону границы, туда, где смерть попечения своего не оставила. Убили, вскричал тут сосед. И так сказать можно, раз уж своими ногами они туда прийти не могли, а может, и нельзя, потому что сделано это было по приказу тестя, а что до бедного ребеночка, то он толком еще и не жил, а похоронили мы их у подножья ясеня, вроде как в обнимку. Сосед схватился за голову: Что ж теперь будет. А будет то, что ты раззвонишь об этом на всю округу, нас схватят и отведут в полицию, а потом, наверно, судить будут и осудят за то, чего мы не сделали. Сделали, сделали. За шаг до границы они были живы, а шагнули за нее – умерли, и скажи ты мне, когда мы их убили и как. Если бы не повезли, то. То они оставались бы в ожидании смерти, которая больше не приходит. Три женщины молча и спокойно глядели на соседа. Я лучше пойду, сказал он, я и в самом деле думал – что-то случилось, однако о таком и помыслить не мог. Просьба у меня к тебе напоследок, молвил зять. Какая. Сведи-ка ты меня в полицию, тогда не придется ходить из дома в дом и рассказывать людям об ужасных наших злодеяниях – только представьте себе, добрые люди, отцеубийцы, детоубийцы, мать божья, что же за чудовища живут рядом с нами. Я не стану так рассказывать. Да знаю, ну а все же – сведешь или нет. Когда. Прямо сейчас, знаешь, как говорится: куй железо и прочее. Что ж, пойдём.

Но не было ни суда, ни приговора. Зато стремительней лесного пожара облетела страну весть об этом событии: газеты и прочие сми клеймили злоумышленников, называли сестер убийцами, а зятя – орудием преступления, проливали слезы над стариком и младенцем, словно это были собственные их дедушка и внучек, и,

уподобясь барометрам общественной морали, в тысячный раз указывали на прискорбное падение нравов и беспримерное попрание освященных веками семейных ценностей, каковое есть источник, причина и корень всех бед, а двое суток спустя стали поступать сообщения о том, что во всех приграничных районах начались аналогичные происшествия. И вот уже в другие телеги, запряженные другими мулами, погрузили другие тела, и, подбираясь кружными заброшенными путями в те места, где должны были извлечь свою поклажу, привязанную ремнями безопасности или даже – что уже ни в какие ворота не лезет – завернутую в одеяло и упрятанную в багажник, стали колесить по дорогам автомобили всех марок и моделей, без устали подвозя к этой новоявленной гильотине, где в роли ножа выступала, простите за смелое сравнение, тончайшая, невидимая глазу пограничная линия, новых и новых обреченных, которым здесь, по эту ее сторону и по воле закапризничавшей смерти высшая мера в исполнение не приводилась. И далеко не все семьи, поступавшие таким образом, могли бы привести в свое оправдание те веские, хоть и все равно сомнительные доводы, которыми руководствовались уже знакомые нам истомленные крестьяне, даже отдаленно не предполагавшие, какой почин они открывают своим поступком. Кое-кто вообще не желал видеть в том, что отправил деда или отца на сопредельную территорию, ничего, кроме простого и эффективного, да уж скажите прямо: радикального средства освободиться от родни, мертвым – вот уж подлинно – грузом осевшей у них дома. Пресса же, раньше бичевавшая дочерей и зятя старика, похороненного вместе с внуком, а потом включившая в этот синодик и незамужнюю тетку, которую обвиняли в пособничестве и сообщничестве, теперь взялась корить за жестокость и отсутствие патриотизма людей, на первый взгляд вполне достойных, но в минуту общенационального испытания сбросивших лицемерную личину и явивших миру свой истинный облик. И под напором глав трех сопредельных государств и оппозиции премьер-министр осудил бесчеловечное деяние, призвал с уважением относиться к жизни, а также сообщил, что вооруженным силам, размещенным вдоль границ, приказано препятствовать попыткам пересечения последних лицами, находящимися в крайне тяжелом физическом состоянии, по собственной ли их воле предпринимаются такие попытки, или по самоуправству родственников. Премьер, разумеется, даже не заикнулся о том, что на деле, на самом-то деле власти это вполне устраивает, ибо подобный исход – звучит, конечно, двусмысленно – будет в интересах страны и ослабит демографическое давление, на протяжении последних трех месяцев неуклонно и постоянно возрастающее, хотя, впрочем, еще не достигшее по-настоящему тревожных величин. Ни словечком не обмолвился глава кабинета и о своей секретной встрече с министром внутренних дел, о встрече, в ходе коей решено было разместить по всем градам и весям страны агентов-наблюдателей,

а проще говоря – шпионов, поручив им незамедлительно сообщать властям о любом подозрительном перемещении людей, состоящих в родстве с пациентами, которые пребывают в состоянии отложенной смерти. Решение о том, вмешиваться или нет, следует принимать, исходя из особенностей каждого конкретного случая, раз уж правительство не ставит себе задачу полностью перекрыть канал этой невиданной прежде миграции, но лишь удовлетворить требования сопредельных государств, хотя бы отчасти уняв их тревогу и заставив прекратить на время дипломатические демарши. Мы не затем сюда поставлены, чтоб плясать под их дудку, энергически выразился премьер. Неохваченными остаются хуторки, мызы, усадьбы, отдельно стоящие строения, заметил министр. Эти пусть делают что хотят, поступают по собственному разумению, и вам ли, мой дорогой, не знать, что к каждому человеку полицейского не приставишь.

Система действовала более или менее исправно недели две, а по прошествии их шпионы стали жаловаться, что им звонят с угрозами и говорят, что если хотят спокойной жизни, то пусть на тайный трафик полупокойников смотрят сквозь пальцы, а еще лучше – вообще закрывают глаза, ибо иначе собственной персоной увеличат количество тех, за кем им поручено наблюдать. А что это были не пустые слова, выяснилось довольно скоро: четверо наблюдателей исчезли, а потом неизвестные позвонили их родственникам и сообщили, где именно можно пропавших найти. Где было сказано, там и нашли – не мертвых, разумеется, но также и не вполне живых. Оказавшись в столь сложном положении, министр внутренних дел решил показать неведомому противнику свою силу, а потому распорядился, во-первых, усилить наблюдение, а во-вторых, прекратить эту, с позволения сказать, пипеточную практику – этого вывозить можно, а этого нельзя, – внедренную с благословения премьера. Ответ последовал незамедлительно: еще четверо шпионов разделили судьбу своих предшественников, но на этот раз последовал только один телефонный звонок, и был он адресован самому министру, что можно было истолковать и как провокацию, и как безупречно логичное действие, имеющее целью оповестить: Мы – существуем. Но не только. Ибо разговор содержал в себе и конструктивное предложение договориться по-джентльменски: министр убирает своих наблюдателей, а те, кого представлял его неведомый и невидимый собеседник, обязуются организовать тайный вывоз страдальцев. А вы кто, осведомился сотрудник аппарата, снявший трубку. Приверженцы порядка и дисциплины и большие мастера своего дела, люди, которые терпеть не могут всяческую неразбериху и всегда держат слово, да и просто, наконец, честные граждане. И как же называется ваша организация, поинтересовался чиновник. Кое-кто называет нас маффия, через два «ф». Почему через два. Чтобы отличаться от

классической, которая пишется с одним. Государство не ведет дел с мафией. Ну да, тех, что скрепляются подписями и печатями, а заверяются нотариально, – разумеется, нет. Ни тех ни других, никаких. А с кем имею честь. Я – сотрудник секретариата. А-а, стало быть, человек, не знающий реальной действительности. Я знаю круг своих служебных обязанностей. В общем, это не важно: от вас требуется только довести наше предложение до сведения министра, если у вас есть к нему доступ. Доступа у меня нет, но о нашем разговоре я немедленно доложу своему непосредственному начальству. На осмысление даем правительству ровно сорок восемь часов и ни секунды больше, а заодно известите это самое начальство, что, если ответ будет не таков, как искомый, не выйдут из комы еще сколько-то ваших наблюдателей. Все передам. Итак, послезавтра в это же время я позвоню справиться о принятом решении. Я записал. Рад был познакомиться. Не могу сказать того же. Уверен, вы перемените свое мнение, когда узнаете, что ваши наблюдатели целые и невредимые вернулись по домам, а если вы еще не позабыли молитвы, которым научили вас в детстве, помолитесь, чтоб так оно и было. Понял. Я и не сомневался. Будьте здоровы. Помните – сорок восемь часов и ни секунды больше. Говорить с вами буду не я. А я так убежден в обратном. Почему. Потому что министр не захочет говорить со мной напрямую, а кроме того, если дело не заладится, взыщут с вас, и помните – мы предлагаем джентльменское соглашение. Ну еще бы. До свиданья. До свиданья. Чиновник вытащил из магнитофона кассету и пошел по начальству.

Через полчаса кассета была уже в руках министра. Он прослушал ее раз и другой, прослушал третий, а потом спросил: Этот ваш сотрудник – надежный человек. До сих пор не вызывал ни малейших нареканий. Надеюсь, что и крупнейших тоже. Ни малейших, ни крупнейших, ответило непосредственное начальство, не уловив иронии. Министр извлек кассету, вытащил из нее пленку, положил рулончик в большую пепельницу и поднес к нему огонек зажигалки. Пленка пошла морщинами и складками, затрещала и через минуту превратилась в столбик черноватого хрупкого пепла. Они ведь тоже могли записать разговор, сказала начальство. Это не важно, каждый может инсценировать телефонный разговор, нужны лишь два голоса да магнитофон, главное – уничтожить ленту-оригинал, а значит – и все копии. Нет необходимости говорить, что телефонистка на коммутаторе тоже зафиксировала звонок. Надо озаботиться тем, чтоб и эти записи исчезли. Разумеется, а теперь разрешите идти, вам надо обдумать. Не уходите, я уже все обдумал. Неудивительно – вы, господин министр, обладаете на редкость острым умом. Ваши слова прозвучали бы лезвием, если бы не заключали в себе чистейшую правду: я и в самом деле быстро соображаю. Неужели вы намерены принять их предложение. Я сделаю

им встречное. Боюсь, они его отвергнут, этот их эмиссар вел беседу самым решительным и более чем угрожающим тоном и пообещал, ну, вы сами слышали что?, если наш ответ их не устроит. Дорогой мой, мы дадим ответ, который их устроит. Не понимаю. Дорогой мой, ваша беда в том – только не обижайтесь, – что вы не способны мыслить как министр. Виноват и очень сожалею. Говорю же – это не вина, а беда, и жалеть тут не о чем: если когда-нибудь вас призовут к исполнению министерских обязанностей, то едва лишь вы сядете в это кресло, ваши мозги начнут варить совершенно иначе – разница невообразимая. К чему мне эти фантазии, я – простой чиновник. Не зарекайтесь. Итак, я весь внимание. Послезавтра этот ваш сотрудник – раз уж ему выпало отвечать эмиссару, то и вести переговоры от нашего имени должен он и никто другой, – скажет, что мы согласились рассмотреть сделанное нам предложение, и тотчас добавит, что общественное мнение и оппозиция ни за что не допустят, чтобы тысячи агентов прекратили свою деятельность без внятного объяснения причины. А вмешательство мафии в качестве таковой причины названо быть не может. Именно так, хоть, наверно, и надо выразить это другими словами. Извините, господин министр, ляпнул не подумав. После чего этот ваш сотрудник выдвинет встречное предложение или, если угодно, альтернативный вариант: агенты-наблюдатели остаются на своих местах, но – дезактивируются. Дезактивируются. Ну да, я полагаю, это хорошее слово. Без сомнения, господин министр, я просто удивился. А чего тут удивляться: это единственный способ сделать вид, что мы не поддаемся на шантаж этих негодяев. На самом же деле – поддались. Нам важно сохранить фасад, а уж что там будет твориться за ним – не наше дело. То есть. Ну, представим, что наше ведомство перехватит такой транспорт и арестует злоумышленников, совершенно ясно, что эти риски уже включены в предъявленные родственникам счета. Нет там ни счетов, ни квитанций, мафия налогов не платит. Да это я так, к слову, не в этом дело: важно, что выигрывают все – государство избавляется от тяжелого бремени, агентов больше не увечат и не калечат, семьи вздохнут с облегчением, уверяюсь, что их близкие обретут наконец вечный покой, а не останутся живыми покойниками, ну а мафия получит свой процент. Блестящий план, господин министр. Да, но осуществится он лишь при том обязательном условии, что никто не проболтается. Вы правы. Должно быть, мой дорогой, ваш министр показался вам прожженным циником. Да что вы, господин министр, я просто поражаюсь, как стремительно и с какой безупречной логикой вы построили эту схему. Опыт, мой дорогой, опыт. Я немедленно переговорю с этим сотрудником, передам ему ваши инструкции, совершенно уверен, он справится, как я уже докладывал, до сих пор он повода для недовольства не давал. И взятки не брал, надо полагать. Истинная правда, господин министр, отвечал собеседник, уловивший наконец соль начальственной остроты.

Все – ну или, если быть точным, почти все – прошло, как предвидел министр. Ровно в назначенный час, ни минутой раньше, ни минутой позже, представитель преступного сообщества, именующего себя «маффия», позвонил узнать, что имеет ему сказать ведомство внутренних дел. Чиновник справился с возложенным на него поручением превосходно, подтвердив, что похвалили его не напрасно: твердо и ясно донес основную мысль – агенты остаются на своих местах, но действовать перестают – и имел удовольствие услышать и передать по инстанции наилучший из возможных ответов: альтернативное предложение правительства будет внимательнейшим образом рассмотрено, о результатах сообщим сутки спустя. И сообщили. Предложение правительства может быть принято, но – с одним условием: пресловутой дезактивации подлежат лишь те агенты, которые остались верны своему служебному долгу, или, иными словами, те, кого маффия не сумела привлечь к сотрудничеству. Постараемся же взглянуть на проблему глазами преступного сообщества. В преддверии сложной и длительной операции общенационального масштаба, когда лучшие, самые испытанные кадры брошены на обработку родственников, которые, в сущности, и сами совсем не прочь избавиться от своих близких, а их самих – избавить от страданий не только бессмысленных, но и бесконечных, стало понятно, что будет очень хорошо и полезно по мере возможности, расширяющейся безмерно благодаря испытанному арсеналу средств – подкупу, запугиванию, шантажу, – использовать гигантскую сеть агентов, уже раскинутую властями по всей стране. И об этот камень, брошенный посереде дороги, споткнулась стратегия министра внутренних дел, причинив большой ущерб престижу и достоинству государства и правительства. И тот, оказавшись между сциллой и харибдой, молотом и наковальней, двух огней, шпагой и стеной – ну что там еще у нас имеется, – побежал советоваться с премьером насчет нежданно возникшего гордиева узла. Скверно было еще и то, что дело зашло слишком далеко, назад не отыграешь. Глава кабинета, хоть и был опытней своего коллеги, не нашел ничего лучше, как предложить бандитам новую сделку, введя нечто вроде *numerus clausus*, то есть квоты: скажем, двадцать пять процентов всех действующих агентов перейдут на другую сторону. Снова пришлось чиновнику излагать уже терявшему терпение собеседнику компромиссный вариант договора, который, как считали министры, истомленные то гаснущей, то вновь слабо брезжащей надеждой, может быть наконец заключен, заключен, да, разумеется, не подписан, ибо, когда речь идет о джентльменском соглашении, довольно, как объясняет нам словарь, честного слова, заменяющего все юридические процедуры. Но считать так – значило не иметь ни малейшего представления о коварном и хитроумном нраве маффиози. Во-первых, они не назначили срока своего ответа, отчего бедный министр внутренних дел вертелся как на раскаленных углях и даже, вконец отчаявшись, собирался подавать в

отставку. Во-вторых, когда несколько дней спустя они все же соизволили позвонить, то сообщили всего лишь, что пока еще не пришли к выводу о том, насколько устраивает их новый предмет переговоров, а затем как бы невзначай и вскользь намекнули, что не несут никакой ответственности за тот прискорбный факт, что еще четверо агентов были обнаружены накануне в самом плачевном состоянии. В-третьих, поскольку всякое ожидание в конце концов кончается, а хорошо ли, плохо ли – это уже другой вопрос, был дан ответ, доведенный до сведения министра через все тех же лиц и подразделявшийся на два подпункта: а) квота агентов, работающих отнюдь не на правительство, должна составить совсем не двадцать пять, а вовсе даже тридцать пять процентов и б) мафия требует предоставить ей право, как только она сочтет это выгодным и даже не думая ставить в известность правительство и уж подавно – заручаться его согласием, перемещать перешедших к ней на службу агентов в те регионы, где работали дезактивированные агенты, и – на замену последних. Хоть стой, хоть падай. Есть ли какой-нибудь выход из этой западни, осведомился глава кабинета у министра внутренних дел. Едва ли, отвечал тот, если откажемся, будем получать ежедневно по четыре агента, негодных ни для службы, ни для жизни, а согласимся – попадем в зависимость от этого сброда бог знает насколько. Навсегда или по крайней мере до тех пор, пока семьи не перестанут избавляться от своих полупокойников. Знаете, у меня идея. Нет, не знаю и не знаю даже, радоваться ли этому. Я стараюсь изо всех сил, господин премьер-министр, а если кажусь вам помехой, только скажите. Нельзя принимать все так близко к сердцу, излагайте свою идею. Я полагаю, господин премьер-министр, что мы имеем дело с элементарным вопросом спроса и предложения. Это вы к чему, ведь речь у нас о людях, чья жизнь может быть окончена одним-единственным способом. Точно так же, как в классическом вопросе о том, что было раньше – курица или яйцо, не всегда возможно определить, предложение ли определяет спрос или, наоборот, спрос – предложение. Мне кажется, имело бы смысл перебросить вас с внутренних дел на экономику. Разница, господин премьер-министр, не так велика, как может показаться: экономика и внутренние дела подобны сообщающимся сосудам. Не отвлекайтесь. Если бы та первая семья не догадалась, что решение проблемы ждет их по ту сторону границы, нынешняя ситуация выглядела бы иначе, если бы примеру этой семьи не последовали многие и многие другие, мафия – через два «ф» – не додумалась бы погреть руки на деле, которого просто бы не существовало. В теории – конечно, хотя эти ловкачи способны из камня сок выжать и продать подороже, но я по-прежнему не вижу, в чем заключается ваша идея. Идея, господин премьер-министр, очень проста. Дай-то бог. Если в двух словах, то – надо перекрыть канал предложения. И как же вы намереваетесь это сделать. Надо убедить семьи, что во имя священных начал гуманизма, ради

любви к ближнему и солидарности они не должны вывозить своих близких за границу. И вы полагаете, что сотворить такое чудо вам под силу. Я думаю, следует развернуть широчайшую кампанию с привлечением всех средств массовой информации и наглядной агитации, вешать плакаты и растяжки, лепить наклейки на бамперы и лобовые стекла, разбрасывать листовки, ставить спектакли, снимать фильмы игровые и анимационные, словом, делать все, чтобы растрогать до слез и заставить раскаяться тех, кто позабыл о своем семейном долге и родственниках, чтобы вернуть людям чувство сострадания и солидарности, и я убежден – в самом скором времени грешники осознают всю непростительную жестокость своего поведения и вернуться к прежним ценностям, которые еще так недавно были основополагающими. Мои сомнения возрастают с каждой минутой: теперь я спрашиваю себя, не вручить ли вам портфель министра культуры или по делам вероисповеданий, ибо вы явно зарываете свой талант в землю. Правильней было бы объединить все три ведомства. Ага, и экономики – туда же. Да, потому что это, повторяю, сообщающиеся сосуды. Только ничего не выйдет из этой вашей кампании. Почему же, господин премьер-министр. Потому что такие кампании на пользу только тем, кто на них наживается. Мы провели множество кампаний. Да, и результаты известны, но, кроме того, если даже и будет какой-нибудь прок, то не сегодня и не завтра, а я должен принять решение немедленно. Жду ваших распоряжений, господин премьер. Глава кабинета улыбнулся весьма уныло: Все это – нелепо и смешно, молвил он, мы с вами знаем, что выбирать не из чего, а наши предложения только усугубят ситуацию. Следовательно. Следовательно, если мы не хотим ежедневно иметь на совести по четыре агента, которых с проломленным черепом подтащили к порогу смерти, нам не остается ничего иного, как принять предложения мафии – через два «ф». Мы могли бы провести молниеносную полицейскую операцию, перехватать и посадить сколько-то там десятков мафиози – может быть, тогда мы заставим главарей отступить. Чтобы уничтожить дракона, надо отрубить ему голову, а не подстригать когти. Тем не менее. Четыре агента в день, господин министр, четверо искалеченных, вспомните об этом и признайте, что мы с вами связаны по рукам и ногам. Оппозиция совсем остервеенеет – начнутся вопли, что мы продали страну бандитам. У них принято говорить не «страна», а «держава». Тем хуже. Может быть, церковь нам поможет: примет в расчет, что решение это мы принимаем ради того, чтобы сохранить людям жизнь. Это раньше было можно говорить «сохранить жизнь», а сейчас – нет, нельзя. Вы правы, надо будет что-нибудь придумать. После недолгого молчания премьер сказал: Ну хватит, проинструктируйте этого вашего чиновника и начинайте дезактивацию, а кроме того, недурно было бы знать, как именно мафия собирается распределять по стране эти двадцать пять процентов. Тридцать пять. Спасибо вам сердечное за

эту поправку: она напоминает, что наше поражение, которое с самого начала было неизбежным, оказалось еще более тяжким. Печальный день. Семьи четырех следующих агентов не согласились бы с вами, знай они, что тут происходит. Может быть, эти четверо уже завтра будут работать на мафию. Такова жизнь, дражайший министр сообщающихся сосудов. Внутренних дел, господин премьер, внутренних дел. Этот сосуд – посерединке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/zhoze-saramago/pereboi-v-smerti/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Людвиг Йозеф Иоганн Витгенштейн (1889–1951) – австрийский философ. (Здесь и далее примечания переводчика.)

2

Имя одной из трех сестер-парок, которая, согласно мифу, перерезает нить человеческой жизни.

3

Тропизм – направленное ростовое движение или изгиб органов растений, вызванные односторонним действием некоторого раздражителя.

4

«Но где же прошлогодний снег?» (фр.) – строчка из «Баллады о дамах былых времен» Франсуа Вийона. (Перевод Н. Гумилева.)

5

Мишель де Монтень (1533–1592) – французский писатель, политический деятель, философ. Это высказывание, содержащееся в первом томе его «Опытов», он приводит, ссылаясь на Цицерона, который, в свою очередь, заимствовал его у Платона.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/zhoze-saramago/pereboi-v-smerti-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)